Выживший: роман о мести

Автор:
Майкл Панке

Выживший: роман о мести

Майкл Панке

Книга, покорившая мир

Роман М. Панке, основанный на реальных событиях, рассказывает не только и не столько о выживании и мести, сколько о мужестве и великодушии. Дикий Запад, XIX век. Хью Гласс, маунтинмен и первопроходец, участник экспедиции генерала Уильяма Эшли 1823 года, исследовавшей истоки Миссури, попадает в страшную передрягу – на него нападает и тяжело ранит медведица гризли. Но это не самое ужасное испытание – Гласса предают друзья по отряду: испугавшись индейцев, они бросают его, истекающего кровью, и забирают с собой всю провизию и оружие.

Но Гласс, назло судьбе, выживает.

Теперь у него есть одна цель – отомстить.

Майкл Панке

Выживший: роман о мести

Michael Punke

The Revenant: A Novel of Revenge

Copyright © 2002 by Michael Punke

© Майгурова И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моим родителям

Мэрилин и Бутчу Панке

Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию],

Ибо написано: «Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь».

Рим. 12:19

1 сентября 1823 года

Его бросают на произвол судьбы – раненый понял это по взгляду парнишки, который упорно смотрел в землю и по сторонам, не в силах встретиться с ним глазами.

Тому, второму, парнишка прекословил который день. (Неужто пролетели целые дни?) Все это время раненого одолевали лихорадка и боль; он толком не понимал, что из слышанных разговоров явь, а что горячечный бред.

Он глянул на громаду скалы, нависшей над поляной. С краю склона торчала корявая сосна, умудрившаяся вырасти на голом камне, и, хотя раненый видел ее не впервые, до него только сейчас дошло, что ствол и ветви образуют крест. Что ж, видимо, ему судьба умереть здесь, на поляне рядом с ручьем.

Странно, что обстановка его так мало волнует. Интересно, что он решил бы на месте тех двоих? Если они останутся, а снизу по ручью нагрянут враги – погибнут все трое. Пошел бы он на смерть ради них… если им все равно умирать?

– А точно сюда идут? – Парень явно не владел собой: привычный тенорок на последних словах вдруг сорвался в мальчишеский фальцет.

Тот, второй, в шапке из волчьей шкуры, метнулся к решетке у костра и принялся запихивать в кожаный мешок полоски вяленой оленины.

– Хочешь остаться и проверить? – рявкнул он.

Раненый хотел было заговорить, но горло привычно ожгло болью, и, как ни пытался он произнести единственное вожделенное слово, изо рта вырывался хрип.

Обладатель волчьей шапки, спешно собирая немногие пожитки, даже не повернул головы, оглянулся только парнишка.

– Он что-то хочет сказать!

Парень опустился на колено рядом с раненым – тот, не в силах говорить, повел в сторону здоровой рукой.

– Винтовку! Просит свою винтовку!

Второй в несколько уверенных шагов пересек поляну и грубо огрел парнишку по спине.

– Займись делом, прах тебя побери!

Подступив к раненому, человек в волчьей шапке оглядел его вещи: охотничью сумку, нож в украшенных бусинами ножнах, топорик, винтовку и рожок для пороха. Раненый, не в силах двинуться, беспомощно следил, как человек вытащил из охотничьей сумки огниво и переложил его в карман кожаной куртки; рожок с порохом он повесил на плечо, а топорик засунул за широкий кожаный пояс.

– Что ты делаешь? – воскликнул парнишка.

Тот, в шапке, нагнулся за ножом и перебросил его парню.

– Держи.

Парень поймал оружие на лету и с ужасом воззрился на ножны.

Оставалась винтовка.

Обладатель волчьей шапки взял ее в руки и проверил заряд.

– Не обижайся, старина Гласс. Тебе она без надобности.

Парень застыл на месте.

– Бросить? Безоружного?

Мужчина в волчьей шапке лишь смерил его взглядом и, шагнув прочь, скрылся среди деревьев.

Лежащий неотступно смотрел на парнишку, замершего с ножом в руках. С его ножом… Парень поднял глаза, будто хотел заговорить, потом резко повернулся и исчез за соснами.

Раненый напряженно вглядывался в просвет между стволами, где скрылись бывшие приятели. Клокочущая в груди ярость охватила его целиком – как пламя сосновую ветку. Хотелось одного: задушить их на месте.

Зреющий в груди крик рванулся было наружу, однако горло лишь полыхнуло болью, не выдав ни звука. Раненый приподнялся на левом локте – правая рука хоть и могла сгибаться, но опоры не давала. Шею и спину немедленно пронзило болью, натянулась кожа на грубых швах. Он глянул на ногу, туго обмотанную кровавыми лоскутами от старой рубахи: согнуть бедро не выйдет, ногой не двинешь.

Собрав остаток сил, он с трудом перекатился на живот. С треском лопнул шов на свежей ране, спину залило теплой кровью, однако боли он почти не чувствовал – все затопила ярость.

Хью Гласс пополз вперед.

Часть I

Глава 1

21 августа 1823 года

– Моя лодка придет из Сент-Луиса со дня на день, мсье Эшли, – терпеливо, но настойчиво повторил француз. – Я охотно продам пушной компании Скалистых гор все ее содержимое, но не могу распоряжаться тем, чего у меня нет.

Уильям Генри Эшли грохнул жестяной кружкой о грубый дощатый стол. Хотя под аккуратно подстриженной седой бородкой играли желваки, они вряд ли сулили очередную вспышку: Эшли понимал, что сейчас ему противостоит самый презренный из врагов – ожидание.

Француз с невероятным именем Кайова Бразо не сводил глаз с собеседника и тревожился все больше. Визит Эшли в факторию – редкостная удача: надежное знакомство с такой фигурой обеспечило бы его предприятию длительный успех. Эшли знали в Сент-Луисе как крупного дельца и политика,

который мечтал расширить торговлю на запад и имел для этого средства. Как называл их Эшли – «чужие деньги». Шальные деньги. Способные пригодиться не в этой, так другой рисковой затее.

Кайова сощурил глаза за толстыми линзами; даже при слабом зрении он великолепно разбирался в человеческих лицах.

– Если позволите, мсье Эшли. Пока вы ждете мою лодку, могу предложить небольшое утешение.

Эшли ничем не выказал заинтересованности, однако продолжать тираду тоже не спешил.

– Мне нужно выписать провиант из Сент-Луиса. Завтра мой курьер отправляется вниз по реке на каноэ. Он может передать весточку вашим партнерам – ободрить их, прежде чем расползется слух о неудаче полковника Ливенворта.

Эшли перевел дух и обреченно отхлебнул кисловатого эля. Выбора нет, от ожидания все равно не уйти. А совет француза не лишен мудрости: инвесторов и вправду лучше успокоить прежде, чем молва о битве хлынет на улицы Сент-Луиса.

Кайова, почуяв готовность собеседника, немедленно выложил перед Эшли перо с чернильницей и бумагу и вновь наполнил элем кружку. Он явно рад был откланяться.

– Не буду вас отвлекать, мсье.

Тусклый огонек сальной свечи горел в комнате Эшли глубоко за полночь. Вице-губернатор писал письмо.

Форт Бразо на реке Миссури,

21 августа 1823 года

Джеймсу Д. Пиркенсу, эсквайру,

фирма «Пиркенс и сыновья».

Сент-Луис

Уважаемый мистер Пиркенс!

К сожалению, я вынужден исполнить неприятную обязанность и изложить вам события последних двух недель – события, способные круто поменять (хотя и не нарушить) наши планы, связанные с Верхней Миссури.

Как вам, вероятно, известно к этому часу, отряд нашей пушной компании был атакован индейцами племени арикара после благополучной закупки у них шестидесяти лошадей. Арикара напали без малейшего повода с нашей стороны, убили шестнадцать человек, ранили около дюжины и угнали обратно коней, «проданных» нам накануне.

Нападение принудило меня отступить вниз по реке и безотлагательно обратиться за помощью к полковнику Ливенворту и регулярной армии, поскольку арикара своим нападением открыто попрали законное право граждан Соединенных Штатов беспрепятственно пересекать реку Миссури. Я также попросил о содействии наш собственный отряд (под командованием капитана Эндрю Генри), который подошел к нам из форта Юнион, подвергаясь немалому риску.

К девятому августа мы имели против арикара сводное войско из семисот человек, включавшее двести солдат Ливенворта (с двумя гаубицами) и сорок наемников пушной компании Скалистых гор. Мы также нашли союзников, пусть и временных, в лице четырехсот воинов племени сиу, чья вражда с арикара уходит корнями в исторические разногласия, природа которых мне неизвестна.

Объединенных сил нам с лихвой хватило бы, чтобы выдержать бой, отомстить арикара за предательство и вновь открыть Миссури для нашего дела. Крушением планов мы обязаны исключительно нерешительности полковника Ливенворта.

Обстоятельства этого бесславного похода я сообщу по возвращении в Сент-Луис, сейчас достаточно сказать, что неоднократные отказы полковника атаковать малочисленного врага позволили всему племени арикара уйти из наших рук. В результате Миссури перекрыта: между фортом Бразо и поселениями племени манданов укрепились три сотни арикарских воинов, намеренных пресекать любые наши попытки выйти к верховьям Миссури.

Полковник Ливенворт вернулся в гарнизон форта Аткинсон, где, несомненно, проведет зиму перед уютным камином, тщательно взвешивая возможности. Я не намерен его ждать. Наше предприятие, как вам известно, не может терпеть задержку в восемь месяцев.

Эшли перечитал написанное. Тон вышел слишком жестким: письмо дышало гневом, однако не передавало главного – бодрого настроя, нерушимой веры Эшли в собственные силы, в способность добиться успеха. Бог привел его в сад неиссякаемых щедрот, в благословенный край, где счастье ждет любого, кому хватит мужества его добиться. Собственных недостатков Эшли не скрывал – он воспринимал их как помеху, которую надлежало одолевать умелым сочетанием достоинств. Он знал, что неудачи неминуемы, но не собирался мириться с поражением.

Нынешний удар судьбы нужно обратить себе на пользу: пока конкуренты дремлют – мы должны действовать. Поскольку Миссури перекрыта, я решил послать на запад две группы другим путем. Капитана Генри я отправил по реке Гранд – подойти как можно ближе к верховьям и вернуться в форт Юнион. Вторая группа под руководством Джедидайи Смита двинется вверх по реке Платте и выйдет к водам Большого Бассейна.

Вы, несомненно, не меньше моего огорчены задержкой. Мы потеряли время – тем решительнее предстоит действовать. Я велел Генри и Смиту не возвращаться весной в Сент-Луис: мы выйдем к ним сами, в условленном месте заберем добытую пушнину и пополним их припасы. Таким образом мы сэкономим четыре месяца и хотя бы частично наверстаем время. Покамест же я предлагаю набрать в Сент-Луисе новый отряд трапперов и весной отправить его за добычей. Командовать буду я сам.

Свечной огарок зашипел, рассыпав кругом клочья черного дыма. Эшли, очнувшись, поднял голову – час поздний, усталость давала себя знать. Окунув перо в чернила, он решительно и спешно застрочил по бумаге, заканчивая письмо.

Прошу как можно скорее передать нашим партнерам – в самых решительных выражениях, – что я совершенно уверен в успехе задуманного. Провидение открыло нам путь к неисчислимым богатствам, нам остается лишь явить все свое мужество и взять то, что нам причитается.

Ваш преданный слуга,

Уильям Г. Эшли

Двумя днями позже, 16 августа 1823 года, из Сент-Луиса прибыла лодка Кайовы Бразо. В тот же день Уильям Эшли, снабдив людей необходимыми припасами, отправил свой отряд на запад. Ближайшую встречу назначили на лето 1824 года, место договорились определить через курьеров.

Уильям Генри Эшли вряд ли понимал, что изобрел схему, которая станет символом целой эпохи.

Глава 2

23 августа 1823 года

Одиннадцать человек сгрудились в лагере, не зажигая костра. Крутой берег реки Гранд давал сносное прибежище, зато дальше простиралась равнина, не сулящая никакой защиты: разведи огонь – и тебя увидят за много миль. А для трапперов, не желающих нарваться на очередную вылазку индейцев, скрытность была главнее всего.

До темноты оставался час, охотники занимались кто чем: чистили винтовки, латали мокасины, ужинали. Парнишка, рухнувший на землю в первую же минуту

привала, спал в потрепанной одежде в стороне, раскинув длинные руки и ноги.

Охотники, разделившись на кучки по трое-четверо, сидели на корточках под кромкой берегового обрыва, жались спинами к камням или кустам в поисках призрачной защиты.

Обычный для лагеря гомон успел слегка притихнуть после боя на Миссури, а потом и вовсе умолк после второго налета индейцев три ночи назад. Переговаривались редко и безрадостно, приглушенными голосами – памятуя о погибших товарищах, чьи тела остались позади, и о таящихся впереди опасностях.

– Как думаешь, Хью, сильно он мучился? Три дня из головы не идет. Неужели мучился?

Хью Гласс глянул на говорившего – Уильяма Андерсона и, помолчав, ответил:

– Да нет, вряд ли.

– Он ведь старший. Из всех братьев старший. Уезжаем мы из Кентукки – а наши-то ему твердят, чтоб за мной приглядывал. Чтоб он, понимаешь, за мной. А мне ни слова не сказали. Никому и в голову не пришло.

– Уилл, ты для брата сделал что мог. Горько, но правда: когда в него угодило ядро – он уже не дышал.

– Надо было тогда и схоронить, – раздался из прибрежной тени новый голос. – А не таскать за собой лишних два дня.

Говоривший привстал на корточках, в густеющей тьме лица было не разглядеть – лишь темная борода да белый шрам в форме рыболовного крючка, выгнутый книзу от угла губ. Шрам не зарастал щетиной, и оттого лицо казалось застывшим в вечной ухмылке. Бородач водил ножом по точильному камню, медленный скрежет вторил словам.

– Заткнись, Фицджеральд! Иначе вырву тебе язык, клянусь могилой брата!

– Могилой? Там есть что назвать могилой?

Сидящие поблизости встрепенулись – таких издевок никто не ожидал, даже от Фицджеральда.

Бородач почуял внимание публики и приободрился.

– Груда камешков, всего-то навсего! Думаешь, он там лежит и гниет? Лично я сильно сомневаюсь. – Фицджеральд на миг умолк, взвешивая слова. В воздухе разносился только скрежет ножа по бруску. – Может, конечно, камни кого и отпугнут. Да только я скажу – койоты уже тащат куски его тела по всей…

Андерсон бросился на Фицджеральда – тот, вскакивая, занес ногу и встретил противника ударом в пах.

Андерсона согнуло вдвое, будто кто-то дернул за невидимую веревку и притянул голову к ногам. Бородач двинул его коленом в лицо – и тот беспомощно рухнул спиной на землю.

Фицджеральд, двигаясь на удивление легко для своего роста, метнулся вперед, надавил коленом на грудь задыхающегося, окровавленного противника и приставил наточенный нож к его горлу.

– Хочешь к братцу?

Нож впился в кожу, по шее поползла тонкая струйка крови.

– Фицджеральд! – окликнул его Гласс ровным, властным голосом. – Прекрати.

Бородач, готовый ответить Глассу вызовом, поднял взгляд – и с удовольствием увидел, что их обступила вся компания: свидетели унижения Андерсона. Значит, лучше не портить дело и оставить нынешнюю победу за собой. А с Глассом можно разобраться и позже.

Фицджеральд отвел лезвие и сунул клинок в поясные ножны с бусинами.

– Не начинай дел, которые неспособен закончить, Андерсон. В следующий раз я их закончу за тебя.

Капитан Эндрю Генри, протолкавшись сквозь круг зрителей, схватил Фицджеральда за шиворот и с размаху откинул назад, шлепнув спиной о береговые камни.

– Еще одна драка, Фицджеральд, и ты идешь на все четыре стороны. – Генри кивнул за лагерь, на дальний горизонт. – Если некуда девать силы – можешь охотиться в одиночку.

Капитан оглядел остальных.

– Завтра переход в сорок миль, – напомнил он. – Не спать сейчас – только терять драгоценное время. Кто сторожит первым?

Никто не вызвался. Генри глянул на спящего парня – того не разбудила даже драка. Капитан решительно шагнул к простертому на земле телу.

– Вставай, Бриджер, – велел он.

Парнишка вскочил, очумелый спросонья, и тут же схватился за ружье – старое и ржавое, выданное ему в счет будущего заработка вместе с пожелтелым рогом для пороха и горстью кремней.

– Станешь в сотне ярдов ниже по течению, где-нибудь на пригорке. Хряк, то же самое вверх по реке. Фицджеральд, Андерсон – пойдете во вторую вахту.

Фицджеральд, стоявший в карауле прошлой ночью, чуть было не полез возражать, однако передумал и отошел к краю лагеря. Парень, все еще одурелый со сна, неуверенно зашагал по прибрежным камням и вскоре исчез в иссиня-черной тьме, спустившейся на лагерь.

Хряком в отряде звали Финеуса Гилмора – вечно грязного верзилу, выросшего на нищей ферме в Кентукки. Прозвище говорило само за себя. Воняло от Хряка немыслимо: рядом с ним любой начинал озираться в поисках источника смрада – настолько нечеловеческой казалась вонь. Даже трапперы, сами не очень-то

пристрастные к чистоте, старались держать Хряка с подветренной стороны.

Хряк тяжело поднялся на ноги, перекинул через плечо винтовку и побрел вверх по реке.

Не прошло и часа, как угасли последние отблески дневного света. При виде озабоченного капитана Генри, пробирающегося между телами после обхода часовых, до Гласса вдруг дошло, что во всем лагере только они двое и не спят. Капитан, опершись на винтовку, опустился на землю рядом с Глассом – дать отдых если не тревожной душе, то хотя бы усталым ногам.

– Завтра отправлю тебя на разведку с Черным Харрисом.

Гласс, начавший было засыпать, вскинул глаза на капитана.

– Ближе к вечеру, – пояснил тот. – Надо бы найти какую-никакую дичь, рискнем развести огонь. Изрядно мы отстали, Хью, – добавил он тише.

Капитан Генри явно был настроен поговорить, и Гласс потянулся за винтовкой. Поспать не удастся – значит, самое время заняться оружием: при сегодняшней переправе винтовку зацепило волной, он как раз ждал случая смазать замок.

– К началу декабря совсем похолодает, – продолжал капитан. – Неделю-другую придется заготавливать мясо. Если к октябрю не дойдем до Йеллоустоуна, на осеннюю охоту нечего и надеяться.

Как ни угнетали капитана скрытые сомнения, осанка его оставалась по-прежнему уверенной. Кожаная бахрома куртки подчеркивала широко развернутые плечи и мощную грудь – наследие прежней профессии (некогда Генри был шахтером в Сент-Дженевьевском округе штата Миссури). Узкие бедра перехватывал толстый ремень с парой пистолетов и большим ножом. Штаны – до колена кожаные, ниже колена шерстяные – выдавали в нем опытного лесного охотника: кожа служила отличной защитой, но при переправе намокала и становилась тяжелой, шерсть же быстро сохла и даже влажная хранила тепло.

Отряд ему достался пестрый, зато хотя бы льстило обращение «капитан». Звание, конечно, было не настоящим: отряд трапперов – не военная единица,

чинов здесь не водилось. И все же Генри единственный из всех исходил вдоль и поперек Тройную Развилку, а в здешних местах опыт ценили превыше всего.

Капитан помолчал, дожидаясь ответа Гласса. Тот поднял глаза от винтовки – всего на миг: он как раз отвинтил гнутую защитную пластину над парой спусковых крючков и, прежде чем взглянуть на Генри, покрепче зажал в ладони оба винта, чтобы не уронить в темноте.

Взгляда оказалось достаточно, и Генри продолжил.

– Я тебе рассказывал о Друйяре?

– Нет, капитан.

– Знаешь, кто это?

– Жорж Друйяр из той самой экспедиции?

Генри кивнул.

– Да, он ходил с Льюисом и Кларком. Одни из лучших во всем отряде. Разведчик, охотник. В 1809-м пришел в группу, которую я вел – то есть он-то сам и вел: из сотенного отряда бывали у Тройной Развилки только он да Колтер. Бобры там кишат – что твои москиты, даже силки не нужны: лупишь палкой – и готово. Да только с черноногими не задалось: пары недель не прошло, как пятерых наших убили. Тут уж не до вылазок, пришлось укрепиться лагерем. Друйяр с нами неделю помыкался и говорит: хватит, мол. Назавтра ушел. А через неделю вернулся с двумя десятками шкур.

Гласс внимал не отрываясь. В Сент-Луисе про Друйяра знали все, но историю из первых уст Гласс слышал впервые.

– И второй раз то же: уходит – и возвращается с мешком шкур. А как в третий раз собрался, тут и говорит: третья попытка, мол, счастливая. Уехал, а через полчаса – два выстрела: его винтовка и его же пистолет. Второй пулей, видно, убил лошадь, чтоб позади нее залечь. Так мы его и нашли – рядом с лошадью, а между ними два десятка стрел. Черноногие такой знак оставили, чтоб мы

знали. И голову ему отрезали, не церемонились.

Капитан вновь примолк, не сводя глаз с палки, которой водил по земле.

– Забыть его не могу, – добавил он.

Гласс собрался было сказать что-нибудь утешительное, но капитан опередил.

– Как думаешь, долго еще эта река течет к западу?

Гласс напряженно вгляделся в темноту, пытаясь поймать взгляд Генри.

– Наверстаем, капитан. Пока двинемся вдоль Гранд. Все же знают, что Йеллоустоун на северо-западе.

На деле Гласс уже давно засомневался в капитане – неудачи льнули к тому и пропитывали насквозь, как запах походных костров.

– Ты прав, – кивнул капитан и повторил, будто убеждая сам себя: – Конечно, прав.

Как ни беспорядочен был опыт капитана Генри, Скалистые горы он знал лучше любого из смертных. Гласс же, исходивший немало равнин, в верховья Миссури еще не поднимался. Однако уверенный голос Гласса придавал капитану изрядно сил. Говорили, будто Гласс в юности служил матросом, даже побывал в пиратском плену у Жана Лафита и много лет странствовал по морям – может, из-за той привычки к простору так манили его теперь бескрайние равнины между Сент-Луисом и Скалистыми горами.

– Счастье, если черноногие не вырезали весь форт Юнион. Я там оставил не самых лучших…

Генри привычно пустился обсуждать текущие заботы – одну за другой в ночной тишине. Гласс знал, что капитану нужен лишь внимательный слушатель: редкого взгляда или кивка будет достаточно, можно заняться оружием.

На винтовку Гласс в свое время денег не пожалел (хотя прочих дорогих вещей у него не водилось), и сейчас, под речи капитана, смазывал спусковой механизм с той же нежностью, какую другие приберегают для жены или детей. Винтовка Анштадта – так называемая кентуккская кремневая – была сделана, как и любое хорошее оружие того времени, немецкими оружейниками в Пенсильвании; у основания восьмигранного ствола красовалось имя производителя и место изготовления: Якоб Анштадт – Кутцтаун, Пенсильвания. В отличие от традиционных кентуккских винтовок с длинными, вплоть до пятидесятидюймовых, стволами у этой ствол был всего тридцать шесть дюймов. Гласс такую выбирал специально: чем короче – тем легче, да и в седле с ней управляться удобнее. А мастерски сделанная винтовая нарезка и курок, срабатывающий от слабого нажатия, делали выстрел убийственно точным даже при недлинном стволе. С полным зарядом в двести гран дымного пороха пуля калибра.53 летела из такой винтовки чуть не на двести ярдов.

За годы странствий по западным равнинам Гласс не раз убеждался, что хорошая винтовка часто решает выбор между жизнью и смертью, и надежное оружие было у трапперов не в диковину. От ружей товарищей его винтовку отличала не столько добротность, сколько изысканная красота – из-за которой другие частенько просили подержать винтовку в руках.

Твердое ореховое ложе, несмотря на тонкий изящный изгиб у шейки, надежно сглаживало отдачу от выстрела. Приклад (с одной стороны выдвижная панель, с другой – резная пластина) был плавно выточен по форме плеча, из-за чего ружье легко ложилось в руки и казалось продолжением тела. Под темно-коричневой, почти черной тонировкой фактура дерева была почти незаметна, и только вблизи внимательному глазу открывались тонкие нити волокон там, где лак истончился от частых прикосновений.

В довершение эффекта все металлические части, обычно медные, здесь были серебряными: обивка приклада, отделка выдвижной панели, защитный обод вокруг спусковых крючков и сами крючки. И никаких бесполезных заклепок на ложе, сделанных ради пустого украшения: Гласс никогда не понимал, какую красоту находят в них другие, и не стал бы портить ими собственное оружие.

Дочистив винтовку и удовлетворенно кивнув, Гласс вернул на место пластину, ограждающую спусковые крючки, и закрепил ее винтами. Потом насыпал свежего пороха на полку – теперь оружие готово к выстрелу.

Гласс вдруг заметил, что вокруг стоит тишина: капитан давно смолк и теперь спал, распростершись на земле в середине лагеря, тело его чуть подрагивало во сне. По другую сторону от Гласса, ближе к краю огороженного пространства, лежал Андерсон, привалившийся спиной к принесенному рекой пню. Кроме успокаивающего плеска волн, вокруг не слышалось ни звука.

Выстрел грянул внезапно – кремневое ружье громыхнуло ниже по течению, где стоял на часах тот юнец, Джим Бриджер. Сонные охотники в тревоге вскочили, беспорядочно пытаясь со сна найти кто оружие, кто укрытие. От реки к лагерю приближалась темная фигура. Андерсон, стоя рядом с Глассом, одним движением взвел курок и поднял ружье к плечу, Гласс вскинул свою кентуккскую винтовку. Стремительная фигура обозначилась четче – всего в полусотне ярдов от лагеря. Андерсон, прицелившись, на миг замер, и в ту же секунду Гласс толкнул его под руку винтовкой. Выстрел пришелся в небо.

При звуке выстрела фигура остановилась, и трапперы разглядели широко раскрытые глаза и вздымающуюся грудь Бриджера.

– Я… мне… я… – только и выговорил он, заикаясь от страха.

– Что стряслось, Бриджер? – крикнул капитан, вглядываясь в темноту за спиной парня. Трапперы уже выстроились в защитный полукруг спиной к крутому берегу: курки взведены, колено уперто в землю для надежности выстрела.

– Виноват, капитан! Я не хотел стрелять! В кустах зашелестело, я вскочил… Наверное, курок соскользнул… Оно само выстрелило…

– Заснул, не иначе. – Фицджеральд вернул курок в прежнее положение и поднялся с колена. – Теперь все индейцы на пять миль вокруг знают, где нас искать.

Бриджер дернулся было заговорить, но от стыда и раскаяния слова застряли в горле – он так и замер с открытым ртом, в ужасе глядя на окруживших его охотников.

Гласс шагнул вперед и потянул гладкоствол из рук Бриджера. Взведя курок, он нажал на спуск и большим пальцем перехватил кремень раньше, чем тот успел ударить по кресалу. Повторив трюк еще раз, он обернулся к Генри.

– Это не оружие, капитан. Дай ему нормальную винтовку, меньше будет случайностей в карауле.

Кое-кто из трапперов согласно кивнул. Капитан перевел взгляд с Гласса на Бриджера и распорядился:

– Андерсон, Фицджеральд, ваша очередь.

Те повиновались и, как велено, стали один выше по течению над лагерем, другой ниже.

Правда, стражу можно было и не выставлять: в считаные часы, оставшиеся до рассвета, никто в отряде не сомкнул глаз.

Глава 3

24 августа 1823 года

Хью Гласс смотрел на мягкую землю, по которой ветвились глубокие расходящиеся следы – четкие, как буквы на белой бумаге. Следы двумя дорожками тянулись от реки, где олень пил воду, к прибрежному ивняку. Бобры когда-то прогрызли здесь тропу, и теперь все окрестное зверье ходило по ней на водопой, оставляя рядом со следами кучки помета. Гласс наклонился и тронул катышки величиной с горошину, еще теплые.

Он взглянул на запад, где солнце еще висело высоко над плато, ограничивающим здешний горизонт. Закат еще не скоро, но капитану с отрядом идти сюда добрый час, а место для лагеря отличное: река слегка изгибается вдоль длинного каменистого берега, тополя за ивняком дадут хворост для костра и заодно скроют огонь от чужих взглядов. Ивовые прутья пойдут на решетки для копчения, а уж торчащие среди ивняка сливовые деревья придутся как нельзя кстати: сливы и часть мяса можно пустить на пеммикан. Гласс окинул взглядом реку: куда, интересно, подевался Черный Харрис?..

Среди привычных тягот, составляющих ежедневный быт трапперов, добывание еды было первостепенной и нескончаемой заботой – в этом состояли разом и достоинства, и недостатки трапперской жизни. С тех пор как отряд высадился из лодок на берегу Миссури и двинулся пешком вверх по Гранд, запасы еды на себе не таскали. Кое у кого имелся чай или сахар, большинство же обходилось мешочком соли для заготовки мяса. Дичь здесь водилась в изобилии – питайся свежениной хоть каждый день. Однако охоты без стрельбы не бывает, а звук выстрела разносился на много миль: трапперов легко выследит любой, кто окажется в пределах слышимости.

С тех самых пор, как отряд свернул прочь от Миссури, трапперы держались одного пути – вдоль Гранд. Сложился даже привычный распорядок: каждый день двое отправлялись в разведку впереди остальных – убедиться, что поблизости нет индейцев, найти место для лагеря и добыть еды. Каждые несколько дней подстреливали оленя или детеныша бизона, потом готовили лагерь к ночному привалу – выпускали кровь из добытой туши, собирали дрова и разжигали два-три небольших костра в узких прямоугольных ямах. Меньше костер – меньше дыма, зато больше места для копчения, да и согреться проще. А возможный враг, увидев ночью несколько костров вместо одного, сочтет отряд крупным и поостережется нападать.

Затеплив костры, разведчики освежуют дичь. Отборные куски оставят для еды, остальное порежут на тонкие полоски, натрут солью и развесят над огнем на грубых решетках, сооруженных из ивовых ветвей. Вяленое мясо, конечно, выйдет не таким, как в постоянном лагере, – то могло бы храниться и месяцами. Но и здешних, наспех заготовленных припасов хватит на несколько дней, до следующей добычи.

Гласс шагнул из ивняка на поляну, высматривая оленя – тот не мог уйти далеко.

На медвежат он наткнулся раньше, чем успел заметить медведицу.
Два пушистых комка ковыляли в его сторону – пятимесячные, весеннего помета, весом в сотню фунтов каждый. Покусывая друг друга и взлаивая, как щенки за игрой, они комично катились прямо к нему, и Гласс, от неожиданности застыв на месте, не подумал глянуть в дальний конец поляны – не успел даже сообразить, что медвежата не бывают без присмотра.

И вдруг до него дошло. Желудок куда-то ухнул мигом раньше, чем от края поляны донесся первый раскатистый рык. Медвежата тут же замерли в пяти

шагах от Гласса, однако тому было не до них: он не сводил глаз с кустов за поляной.

Даже по звукам было ясно, что медведица огромна: трещали кусты, которые она сметала с пути, как траву, да и сам рык – густой и низкий, как громовой раскат или гул от падающего дерева, – мог исходить только от массивной туши.

Рык грянул громче: медведица выбралась на поляну, черные глаза уставились на Гласса. Стоя на четвереньках и склонив голову, она принюхалась к чужому запаху. Гласс разглядел и сильное тело, сжатое, как пружина, и готовое к броску, и мускулистые передние лапы, переходящие в мощные плечи, и серебристый загривок.

Гризли.

Гласс лихорадочно пытался сообразить, что делать. Инстинкт толкал бежать назад через ивняк и дальше к реке: если нырнуть поглубже, течение вынесет в безопасное место. Однако медведица слишком близко, едва ли в сотне футов. Взобраться на дерево и застрелить зверя с высоты? Взгляд Гласса заметался по поляне. Ничего подходящего, деревья только за спиной у зверя, а ивняк не спасет. Выход один – стрелять с места. Остановить гризли пулей из кентуккской винтовки.

Медведица бросилась вперед, яростно рыча на чужака, посмевшего приблизиться к детенышам. Гласс вновь чуть не дернулся бежать, хотя и понимал тщетность попытки: медведица уже стремительно летела через поляну. Он взвел курок и прицелился, невольно дивясь гибкости движений необъятной туши. Очередной инстинкт толкал его стрелять немедленно – однако Гласс уже знал, что медведям бывали нипочем даже полдесятка пуль. А выстрел у него только один.

Медведица неслась прыжками – в голову не прицелишься. За десять шагов от врага она поднялась на задние лапы и теперь, с высоты в полтора человеческих роста, широко замахнулась, готовая разорвать врага ударом когтей. Гласс прицелился прямо в сердце и спустил курок.

Огниво выбило искру, вспыхнул порох, воздух заволокло едким дымом. Пуля ударила в грудь, однако зверь словно не заметил. Гласс бросил винтовку, теперь

уже бесполезную, и вытянул нож из поясных ножен, однако медведица занесла мощную лапу – и грозные шестидюймовые когти пропороли ему руку, плечо и шею. Удар опрокинул Гласса навзничь, нож выскользнул из руки. Гласс, в отчаянии скребя ногами по земле, пытался хотя бы отползти к ивняку, однако зверь уже опустился на все четыре лапы и навис сверху.

Гласс согнулся, пытаясь защитить лицо и грудь. Медведица схватила его зубами сзади за шею, подняла в воздух и встряхнула так, что едва выдержал позвоночник. Затрещала лопатка, по спине и затылку проехались когти. Гласс взвыл от боли. Медведица, отпустив его шею, тут же впилась зубами в бедро, встряхнула жертву, вновь подняла в воздух и швырнула наземь так резко, что Гласс, неспособный шевельнуться, остался лежать – в сознании, но совершенно обессиленный.

Лежа на спине, он смотрел вверх на медведицу, стоящую над ним на задних лапах. Страх и боль отступили, нахлынуло жутковатое восхищение мощной животной силой. Медведица издала рык, который отозвался в ушах Гласса далеким эхом. Гласса придавило к земле, влажный запах шкуры перекрыл все чувства. Мысли заметались, в памяти почему-то всплыл желтый пес, облизывающий лицо мальчика на деревянном крыльце.

Залитое солнцем небо почернело, свет померк.

* * *

Черный Харрис услыхал выстрел из-за речной излучины. Понадеявшись, что Глассу удалось добыть оленя, он двинулся вперед скорым, но неслышным шагом: ружейный выстрел мог значить что угодно. При звуке медвежьего рева Харрис перешел на бег, и тут раздался крик Гласса.

У ивняка Харрис увидел следы – и Гласса, и оленя. Склонившись к прогрызенной бобрами тропе, он прислушался, однако уловил только дальний плеск реки. Харрис перехватил у бедра винтовку – большой палец рядом с курком, указательный у спускового крючка – и глянул на пояс, проверяя готовность пистолета. Затем, осторожно ступая мокасинами по тропе, он шагнул в ивняк. Среди тишины раздалось рычание медвежат.

На краю поляны Черный Харрис замер, пытаясь понять открывшуюся картину. Огромная медведица-гризли распростерта на земле животом вниз; глаза открыты, но жизни в них нет. Один медвежонок, поднявшись на задние лапы, тычется в нее носом, безуспешно пытаясь расшевелить. Другой что-то грызет… Человеческую руку!..

Гласс!

Харрис, вскинув винтовку, выстрелил в ближнего детеныша, тот упал безвольным комком. Второй медвежонок заковылял прочь. Харрис, прежде чем шагнуть вперед, принялся перезаряжать ружье.

Капитан Генри при звуке второго выстрела поспешил вверх по реке вместе с отрядом. Первому выстрелу он не удивился: Гласс с Харрисом накануне говорили, что пора бы добыть мяса, и выстрел мог означать, что охота оказалось удачной. Два выстрела подряд тоже капитана не удивили бы: может, на охотников выбежали сразу два зверя, а может, первый из стрелков промахнулся. Однако два выстрела с разницей в несколько минут могли означать что угодно. Капитан надеялся, что охотники просто далеко разошлись. Или, может, первый загонял добычу в сторону второго. Или им повезло наткнуться на стадо бизонов: те порой не разбегались от выстрела, так что охотник успевал перезарядить винтовку и убить второе животное.

– Держись ближе, ребята, – скомандовал капитан. – И проверить оружие.

За последние сто шагов Бриджер уже в третий раз оглядывал новую винтовку, выданную ему Уиллом Андерсоном.

– Брату она уже без надобности, – только и сказал тогда бывалый траппер.

Стоя на поляне, Черный Харрис глянул на медведицу, из-под которой виднелась только рука Гласса, огляделся, отложил ружье и изо всех сил потянул гризли за переднюю лапу, пытаясь сдвинуть тушу. Мало-помалу открылась голова Гласса – окровавленный ком волос и плоти. Ужаснувшись, Харрис принялся освобождать тело дальше, почти не надеясь на благополучный исход.

Подступив к медведице с другой стороны, он взобрался на нее сверху, схватил переднюю лапу и принялся тянуть на себя, упираясь коленями в тушу. Одна

попытка, другая – и наконец верхнюю половину туши удалось откинуть в сторону: медведица теперь лежала брюхом вниз, но грудью вверх. Оставалось перевернуть нижнюю часть, и Харрис, схватившись за заднюю лапу, вновь потянул гризли в сторону. Наконец туша откинулась назад. На груди медведицы темнело пятно – кровь из раны, оставленной пулей Гласса.

Черный Харрис склонился над товарищем, толком не зная, что предпринять. Раны были ему не в диковину: из троих соратников он когда-то вытаскивал стрелы и пули, дважды получал пулю сам. Однако таких катастрофических увечий, тем более свежих, он еще не видел. Тело Гласса было разодрано с головы до ног. Кожа с темени оторвана почти целиком, как скальп, и болтается сбоку, лицо разодрано в клочья. Хуже всего пришлось горлу: медвежьи когти тремя глубокими порезами проехались от плеча через всю шею, содрав кожу и мышцы с глотки и перерезав трахею. Еще дюйм – и Глассу рассекло бы шейную вену. Среди крови, сочащейся из раны, вздулся пузырь воздуха – первый увиденный Харрисом знак того, что Гласс еще жив.

Харрис осторожно перевернул товарища на бок и оглядел спину. От хлопковой рубахи ничего не осталось, на шее и плече зияли кровавые раны, правая рука неестественно висела, штаны на задней части бедра пропитались кровью. От лопаток до пояса шли глубокие параллельные борозды, напомнившие Харрису о следах когтей на стволах деревьев, – так медведи метят территорию. Только в этот раз борозды шли не по дереву, а по человеческому телу.

Харрис даже не знал, с чего начать, и едва не радовался тому, что рана на горле явно смертельна. Он оттащил Гласса в тень и уложил спиной на траву. Не обращая внимания на кровавую пену у горла, он сосредоточился на содранном с головы лоскуте: негоже оставлять Гласса без скальпа. Водой из фляги Харрис попытался смыть грязь и принялся укладывать кожу на место: лоскут почти оторвался от черепа, приставить его – что надеть шляпу на лысого. Харрис натянул кожу на кость, прижал посильнее ко лбу и заправил за ухо. Пришить можно позже – если Гласс доживет.

Затрещали кусты, и Харрис выхватил пистолет. На поляну вышел капитан Генри, за ним показались остальные трапперы, хмуро переводящие глаза с Гласса на гризли и с Харриса на убитого медвежонка.

Капитан оглядел поляну, словно сверяя увиденное с опытом прежней жизни, и тряхнул головой, пытаясь сфокусировать внезапно помутившийся взгляд.

– Умер?

– Пока жив. Тело – в клочья, трахея разодрана.

– Медведицу кто убил – он?

Харрис кивнул.

– Лежала поверх него. С пулей в сердце.

– Пуля-то запоздала, – подал голос Фицджеральд.

Капитан опустился на колени рядом с Глассом и ощупал грязными пальцами рану на горле, где с каждым вздохом выступала кровавая пена. Дыхание становилось все натужнее, в груди нарастал хрип.

– Кто-нибудь, дайте чистый лоскут и принесите воды. И виски – на случай, если очнется.

Бриджер, порывшись в сумке, достал шерстяную рубаху и протянул капитану.

– Вот, возьмите.

Капитан помедлил, не решаясь забирать у парня целую рубашку, однако ждать было некогда: он взялся за подол и принялся рвать грубую ткань на полосы. Потом плеснул на горло Глассу воды из фляги – кровь смыло, однако тут же выступила новая. Гласс закашлялся, веки дрогнули, и раненый открыл глаза.

В первый миг он решил, что тонет. Тело вновь сотряс кашель – организм пытался очистить от крови легкие и горло. Капитан перевернул Гласса на бок, выдох-другой – и раненого затошнило, а потом и вырвало. Горло обожгла мучительная боль, и Гласс инстинктивно потянулся к шее; правая рука не повиновалась, зато левой удалось нащупать зияющую рану. Глаза его от ужаса расширились, он взглянул на товарищей, пытаясь найти поддержку, – однако увидел лишь подтверждение своим страхам.

Заговорить не получилось: из горла вырвался надрывный стон. Приподняться на локтях тоже не вышло: капитан пригвоздил его к земле и плеснул виски из фляги прямо на горло. Жгучая резь затмила все чувства, Гласс дернулся всем телом и вновь потерял сознание.

– Надо его перевязать, пока не пришел в себя. Бриджер, давай еще лоскутов.

Парень принялся отрывать полосы от рубахи, остальные молча смотрели, замерев рядом с телом, как носильщики у гроба.

– Не стойте, – одернул их капитан. – Харрис, на разведку. Пройди кругом, оглядись: не привлекли ли кого выстрелы. Кто-нибудь, разожгите костер, да возьмите дров посуше: дым сейчас ни к чему. И разделайте медведицу.

Трапперы разошлись, и капитан обернулся к Глассу. Взяв от Бриджера полосу ткани, он просунул конец под затылок и принялся бинтовать Глассу шею. Поверх первого бинта легли второй и третий, как можно туже. Кровь тут же пропитывала повязку насквозь. Следующим лоскутом капитан забинтовал Глассу голову, пытаясь хоть как-то зафиксировать почти оторванный скальп. Головные раны тоже нещадно кровоточили, так что кровь заливала раненому глаза. Капитан промокнул ему лицо очередным куском ткани, смоченным водой, и отправил Бриджера к реке наполнить флягу.

Когда парень вернулся, они вдвоем с капитаном вновь перекатили Гласса на бок. Пока Бриджер придерживал голову, капитан Генри оглядел спину и промыл водой раны, оставленные медвежьими клыками. Несмотря на глубину, кровоточили они мало, зато пять параллельных борозд – следы от когтей, распоровших кожу и мышцы, – были забиты землей и сочились кровью. От воды кровотечение только усилилось, и капитан решил оставить раны без промывания. Он оторвал два длинных лоскута от рубахи, обернул вокруг тела Гласса и туго стянул. Не помогло: кровь продолжала идти.

– Раны слишком глубокие, – задумчиво бросил капитан. – Надо зашить, иначе умрет от потери крови.

– А горло?

– Тоже зашить. Правда, там сплошное месиво, неизвестно с чего начинать.

Генри вытащил из сумки черные суровые нитки и толстую иглу, с неожиданной для грубых пальцев сноровкой вдел нить в ушко и затянул узел. Бриджер, сведя края самой глубокой раны, широко раскрытыми глазами следил, как Генри вонзил иглу в кожу Гласса, скрепил середину раны четырьмя стежками и завязал концы нити. Потом проделал то же со второй бороздой: как и первую, он не пытался зашить ее целиком, лишь редкими стежками свел края в середине раны, так что кровь слегка притихла. Три остальные борозды, помельче, он решил не трогать.

– А теперь займемся шеей.

Гласса перевернули на спину. Несмотря на тугую повязку, в горле по-прежнему сипело и клокотало, из-под разорванной кожи виднелись ярко-белые хрящи – дыхательное горло и пищевод. По пузырям, вздувающимся на горле, капитан знал, что трахея разорвана, однако не представлял, как поправить дело. Он приставил ладонь ко рту Гласса, пытаясь уловить дыхание.

– Что будете делать, капитан?

Генри завязал очередной узел на нитке, вдетой в иглу.

– Ртом он тоже дышит. Значит, надо зашить кожу на горле. И надеяться, что остальное само заживет.

Цепляя кожу через каждый дюйм, Генри закрыл рану на горле. Бриджер тем временем расчистил место под ивами и развернул подстилку Гласса. Вместе с капитаном они перенесли раненого и уложили как можно бережнее.

Капитан, взяв винтовку, повернул прочь от поляны и зашагал через ивняк к берегу.

У самой воды он отложил ружье, снял куртку и принялся отмывать руки, покрытые слоем липкой крови. Там, где корка присохла к коже, руки приходилось оттирать речным песком, но даже песок не всегда помогал. В конце концов капитан оставил попытки и, набрав пригоршню воды, прижал ладони к лицу. «Вот и еще один», – мелькнула мысль.

Когда от случайностей походной жизни погибали неопытные новички – удивляться не приходилось. Гибель же опытных путешественников не давала капитану покоя. Как и Друйяр, Гласс прожил на Дальнем западе не один год и был для всех опорой: одно его молчаливое присутствие придавало сил остальным. А теперь его часы сочтены – до утра ему не дожить.

А ведь только вчера капитан рассказывал ему о Друйяре. В 1809-м гибель Друйяра стала началом конца. Отряд Генри оставил укрытие в долине Тройной Развилки и спешно отошел к югу. Черноногих там можно было не опасаться, зато сами Скалистые горы не давали пришельцам пощады: после лютых морозов – голод, потом грабительские налеты индейцев кроу. Когда отряд сошел с гор в 1811-м, будущее пушной торговли оставалось туманным.

Сейчас, спустя больше десяти лет, Генри во главе отряда трапперов вновь охотился за сокровищем Скалистых гор, упорно не желающим даваться в руки. Через неделю после выхода из Сент-Луиса он потерял лодку с товаром на десять тысяч долларов. У водопадов на Миссури двоих из отряда убили черноногие. Потом, у селений арикара, когда Генри поспешил на выручку вице-губернатору Эшли, он стал свидетелем позора полковника Ливенворта и видел, как арикара перекрывают путь к верховьям Миссури. За неделю пешего пути вверх по Гранд троих его людей убили манданы – обычно миролюбивое племя, налетевшее на отряд по ошибке. А теперь Гласс, лучший из его людей, лежит смертельно раненный после стычки с медведицей. За что такое проклятие, за какие грехи?..

* * *

Бриджер, укрыв Гласса одеялом, обернулся к медведице. Четверо трапперов уже разделывали тушу; лучшие куски – печень, сердце, язык, паховину, ребра – отложили для еды, остальное мясо нарежут полосами и натрут солью.

Подойдя к мощной медвежьей лапе, Бриджер вытащил нож и под хмурым взглядом Фицджеральда, занятого разделкой туши, принялся отрезать самый крупный, устрашающих размеров коготь – шесть дюймов длиной, вдвое толще большого пальца. На остром, как бритва, конце застыла кровь Гласса.

– Коготь вздумал заполучить? С чего бы?

– Не себе, Фицджеральд. – Парень подошел к Глассу и положил коготь в его сумку.

Пир в тот вечер затянулся надолго. Трапперам не часто доставалось столько жирного питательного мяса: все знали, что следующей дичи им не видать несколько дней, и старались наесться впрок. Капитан Генри выставил двух часовых: хоть поляну и ограждали деревья, костры могли выдать их врагу.

Трапперы по большей части сидели у огня, поджаривая мясо на ивовых прутьях. Капитан с Бриджером по очереди подходили к раненому. Дважды его застали с открытыми глазами, однако взгляд оставался тусклым и безжизненным – зрачки лишь отражали пламя костра, не выдавая ни малейшего проблеска мысли. Единственный глоток воды дался ему тяжело, тело свело болезненной судорогой.

Огонь поддерживали щедро, чтобы мясу досталось побольше жара и дыма. Перед самым рассветом капитан Генри, в очередной раз подойдя к Глассу, застал его в беспамятстве. Дыхание стало тяжелее, из груди вырывался хрип, будто на каждый вздох раненый тратил все оставшиеся силы.

– Капитан, – позвал Черный Харрис, когда Генри вернулся к костру. – Набрести на медведя – не редкость, со всяким могло статься. Глассу просто не повезло.

Генри только покачал головой: про случайности он знал не понаслышке. Двое посидели в молчании, пока восточный горизонт не начал светлеть, предвещая зарю. Капитан потянулся за винтовкой и рогом для пороха.

– Вернусь к рассвету. Когда проснутся, вели двоим вырыть могилу.

Придя через час, капитан застал едва начатую яму, которую, судя по виду, заканчивать и не собирались. Он взглянул на Харриса.

– Почему не копаем?

– Да как сказать, капитан. Не помер он еще. А при нем рыть могилу – рука не поднимается.

Смерти Хью Гласса ждали до полудня. Бледный от потери крови, в сознание он так и не приходил; дыхание, хоть и по-прежнему тяжкое, упорно не прекращалось.

Капитан Генри, меривший шагами пространство от реки до поляны, отправил Харриса на разведку вверх по течению. К полудню тот вернулся: индейцев он по пути не встретил, зато на звериных тропах по ту сторону реки видел людские и конские следы, а в трех милях выше по течению нашел оставленный лагерь.

Ждать дальше было нельзя.

Капитан велел двоим срубить молодые деревца и соорудить носилки.

– Не лучше ли сделать повозку, капитан? Запрячь мула, пусть тащит?

– Почва не та – тянуть повозку вдоль реки.

– Может, тогда отойти от берега?

– Делайте носилки, черт вас подери, – отмахнулся капитан. Отходить от реки – единственного ориентира в незнакомых краях – он не собирался.

Глава 4

28 августа 1823 года

Трапперы, один за другим добираясь до препятствия, замирали на месте. Река Гранд здесь встречала на пути крутой песчаниковый уступ, завихривалась в глубокий омут и затем разливалась широким потоком, уходящим к противоположному берегу.

Последними у стены появились Бриджер и Хряк с носилками. Ношу поставили на землю, и задыхающийся Хряк в темной от пота рубахе тяжело плюхнулся рядом.

Всякому, кто взглядывал вверх на стену, было ясно, что выходов только два. Один – карабкаться по крутому склону: тяжело, но выполнимо, если упираться ногами и подтягиваться на руках. Два часа назад так шел здесь Черный Харрис – сохранились его следы, рядом торчала сломанная ветка там, где он, вылезая, ухватился за куст. Однако носилки так не поднять, да и мулу не пройти.

Второй выход – переправиться через реку. Пологий берег манил простором, однако путь к нему преграждал омут в пять футов глубиной и стремительное течение; дальше, судя по ряби, начиналась отмель, тянущаяся до противоположного берега. Через омут можно перейти вброд, держа оружие и порох над головой, а если течение собьет с ног – несколько ярдов доплывешь без труда. Затащить мула в реку тоже нетрудно: тот настолько любил воду, что даже заработал прозвище Утка. По вечерам он стоял часами по брюхо в воде, и именно поэтому уцелел при набеге манданов: остальные животные паслись на лугу или спали, мул же торчал посреди реки и успел надежно завязнуть в иле, так что увести его налетчики не смогли – и даже потом трапперы вытаскивали его из воды чуть ли не всем отрядом.

Сейчас, при переправе, помехой был не мул. Помехой был Гласс. Перебираться через омут, держа над головой носилки, – дело безнадежное.

Капитан Генри, перебирая варианты, мысленно проклинал Черного Харриса – тому лишь стоило оставить знак, и отряд переправился бы раньше. Разделять отряд не хотелось даже ненадолго, однако вести всех назад было глупо.

– Фицджеральд, Андерсон, ваша очередь тащить носилки. Возвращаетесь к предыдущему месту переправы. Берно и я – с вами. Остальным – переправиться здесь и ждать.

Фицджеральд метнул в капитана яростный взгляд и что-то пробормотал.

– Тебе есть что сказать, Фицджеральд?

– Я нанимался траппером, капитан. А не тягловой силой.

– Носилки тащат все по очереди, ты не исключение.

– А я молчать не стану. Все боятся, а я выскажу! Вы что, так и намерены тащить этот труп до Йеллоустоуна?

– Я делаю для Гласса то, что сделал бы для тебя и для любого в отряде.

– Чего вам не миновать для нас делать – так это рыть могилы. Кругом индейцы, того и гляди наткнемся. Гласс тут не один, в отряде полно народу!

– Ты тут тоже не один, – прервал его Андерсон. – Капитан, Фицджеральд пусть за меня не говорит. С ним тут многие не согласны, я знаю.

Подойдя к носилкам, Андерсон положил винтовку рядом с Глассом и покосился на Фицджеральда.

– Мне его что, по земле тащить?

К тому времени отряд нес Гласса уже три дня. Береговой песок под ногами переходил в гальку, тополя сменялись высокими гибкими ивами. Приходилось то карабкаться по склону там, где берега при обвале словно стесало топором, то пробираться через следы весеннего паводка – россыпи камней, спутанные ветви и даже целые стволы деревьев, выбеленные солнцем и отполированные волнами и песком. Когда препятствия слишком загромождали путь, отряд переправлялся на другой берег, и тогда намокшая одежда только прибавляла тяжести. Однако трапперы упорно двигались вперед – вверх по течению.

Река – единственный надежный ориентир на равнине, и по ее берегам шел не только отряд капитана Генри. Трапперы то и дело натыкались на следы и недавние кострища, Черный Харрис дважды видел небольшие группы индейских охотников – то ли сиу, то ли арикара, из-за дальности не разобрать. Опасаться стоило обоих племен: после сражения на Миссури арикара оставались врагами, да и сиу, хоть и поддерживали белых в том бою, могли легко изменить бывшим союзникам. Отряд, насчитывающий всего десяток боеспособных трапперов, не отразил бы серьезной атаки, зато оружие, припасы и мул стали бы для индейцев желанной добычей. Засада могла ждать за каждым поворотом, без разведчиков не обойтись, а таких в отряде осталось лишь двое – капитан Генри да Черный Харрис.

«Вот тебе и незаметно проскользнуть», – вздохнул про себя капитан. Как ни необходим был трапперам быстрый переход, отряд едва тянулся со скоростью похоронной процессии.

Гласс то приходил в себя, то вновь забывался; бодрствование мало отличалось от обморока. Временами он отхлебывал воды, но пищу из-за горловых ран глотать не мог. Дважды носилки переворачивались, и Гласс вываливался на землю. Во второй раз лопнули швы на горле – и отряду пришлось пережидать, пока капитан заново сшивал раны на покрасневшей от заражения шее. За остальными ранами никто не следил, да и сделать с ними ничего не вышло бы. Гласс не говорил ни слова: из разодранного горла вырывалось лишь хриплое дыхание.

К вечеру третьего дня отряд остановился у ручья, впадавшего в Гранд: в четверти мили от места слияния с рекой Черный Харрис наткнулся на идеальное место для лагеря – у родника, плотно окруженного соснами. Андерсона и Харриса капитан тут же отправил добыть дичи.

Родник не образовывал чашу, влага просто сочилась из-под земли, а затем собиралась в углублении – чистая ледяная вода, процеженная мхом. Капитан Генри наклонился отпить глоток, не в силах выкинуть из головы мысли о насущном решении, которое давно успело назреть.

За три дня, пока Гласса тащили на носилках, отряд прошел всего сорок миль – вдвое меньше, чем надо. Генри надеялся, что территория арикара осталась позади. Зато следы сиу попадались Харрису все чаще.

Капитана волновало не столько нынешнее местоположение, сколько задержка: если так пойдет и дальше, к берегам Йеллоустоун трапперы выберутся слишком поздно, потратив на путь те две недели, в которые собирались заготавливать мясо на зиму. Капризы осенней погоды непредсказуемы: опоздай к бабьему лету – и застанешь вьюжные ветры ранних снегопадов. И тогда всему отряду грозит голод.

Кроме физического благополучия отряда, капитана подстегивали и дела коммерческие. Успешная охота и удачная торговля с индейцами – и одного-двух трапперов можно будет послать с пушниной вниз по реке.

Капитан представил себе, как ясным февральским утром пирога, нагруженная мехом, прибывает в Сент-Луис, газеты пестрят заголовками об успехе йеллоустоунского предприятия, шумиха привлекает новых инвесторов, и к весне Эшли организует новый отряд… Генри чуть ли не наяву видел себя начальником целой сети трапперских отрядов, промышляющих по всему течению Йеллоустоун. Если набрать надежных людей и запастись товаром для переговоров с индейцами, то можно даже добиться мира с черноногими, и тогда для охоты вновь откроются кишащие бобрами равнины у Тройной Развилки. К следующей зиме шкуры можно будет отправлять в Сент-Луис уже целыми кораблями.

Однако все упиралось в сроки – к цели нужно дойти вовремя и в полной силе: конкуренты не дремлют, соперники подбираются со всех сторон.

На севере британская Северо-Западная компания расставила форты до самых манданских селений на юге. Британцы хозяйничали и на западном побережье, от которого теперь двигались внутрь материка по реке Колумбия – по слухам, английские трапперы дошли до ее притоков Снейк и Грин.

С юга, от Таоса и Санта-Фе, на север продвигались Колумбийская пушная компания, Французская пушная компания и «Стоун – Боствик и компания».

Напористее всего наступали конкуренты с востока, из самого Сент-Луиса. В 1819 году армия США начала так называемую йеллоустоунскую экспедицию, не скрывая главной цели – усиления пушной торговли. Несмотря на малочисленность войск, присутствие армии вселило уверенность в предпринимателей, давно мечтавших заняться пушниной. Миссурийская пушная компания Мануэля Лизы открыла торговлю на реке Платте. Иоганн-Якоб Астор вдохнул жизнь в останки Американской пушной компании (вытесненной англичанами с берегов Колумбии во время войны 1812 года), утвердив главную контору в Сент-Луисе. Из-за ограниченности людских ресурсов и средств конкуренция здесь была немалая.

Генри взглянул на Гласса, лежащего на носилках в тени сосен. Капитан так и не собрался толком пришить лоскут кожи, оторванный от головы, – скальп по-прежнему кое-как держался на черепе за счет засохшей крови, скрепившей лилово-черные клочья кожи по краям, и сейчас, при виде старого товарища, на Генри вновь нахлынула странная смесь жалости и гнева, обиды и раскаяния.

Гласса он не винил: нарваться на гризли – для трапперов не редкость. Еще при отбытии из Сент-Луиса капитан знал, что вернутся не все, и увечья Гласса были всего лишь зримым напоминанием об опасностях, которые подстерегали отряд на каждом шагу. К Глассу, единственному из отряда, капитан относился как к равному, ценя в нем редкое сочетание выдержки, опыта и надежности: прочие – за исключением разве что Черного Харриса – были кто моложе, кто слабее, кто невежественнее. Случившееся с Глассом могло произойти с любым, включая самого капитана.

Генри отвернулся от умирающего. Решение предстояло нелегкое.

Жизнь на диких землях учила – и обязывала – каждого быть независимым и самодостаточным: к западу от Сент-Луиса вспоможений и льгот не водилось. Однако смельчаков, дерзнувших отправиться в западные земли, связывали узы общей ответственности. За неимением писаных правил здесь царил один безоговорочный закон – по сути библейский, – подчиняющий себе личные интересы каждого, и с удалением от обжитых мест важность его только росла. В случае нужды ты был обязан помочь любому – другу, соратнику, первому встречному: жизнь, включая твою собственную, зависела здесь от готовности выручить того, кто нуждается в помощи.

Правда, применительно к Глассу закон все больше казался капитану двусмысленным. Для раненого делали что могли – заботились о ранах, тащили на носилках, терпеливо ждали исхода в надежде хотя бы похоронить по-человечески. И в представлении капитана Генри вся жизнь отряда эти дни была подчинена нуждам одного-единственного человека, ибо таково правило. Выполнять которое больше не было возможности. По крайней мере, здесь и сейчас.

Капитан и раньше сомневался, стоит ли тащить Гласса дальше. При взгляде на чудовищные раны даже мелькнула мысль, не милосерднее ли пустить ему пулю в лоб и прекратить мучения, однако убить не поднялась бы рука. И все же Генри не впервые казалось, что случись ему хоть как-то переговорить с Глассом – тот понял бы, как рискует из-за него отряд. Можно найти раненому укрытие, оставить огонь, оружие, припасы: выживет – доберется до Миссури и присоединится к отряду. Зная Гласса, капитан подозревал, что сумей тот заговорить – попросил бы именно о таком исходе, подвергать опасности весь отряд он не захотел бы.

Оставлять раненого капитан не решался. Гласс толком не приходил в сознание и никаких речей не понял бы, а без его прямого согласия Генри действовать не мог. Гласс – один из его людей, и Генри за него отвечает.

Как и за остальных трапперов в отряде. И за деньги, вложенные в предприятие вице-губернатором Эшли. И за семью в Сент-Луисе, которая больше десяти лет ждала, когда поправятся денежные дела, хотя успех оставался далеким и недостижимым, как Скалистые горы.

В тот вечер отряд собрался у трех небольших костров, на которых коптилось свежее мясо. Сосны вокруг поляны защищали костры от сторонних глаз, закатная прохлада напоминала о том, что на дворе конец августа – до холодов осталось совсем немного.

Капитан, собираясь обратиться к отряду, встал, словно подчеркивая серьезность минуты.

– Нам нельзя задерживаться, время не ждет. Нужны двое добровольцев – остаться с Глассом. Побыть с ним, пока не умрет, похоронить, затем нагнать отряд. Тем, кто останется, пушная компания Скалистых гор заплатит семьдесят долларов, чтобы покрыть риск.

В одном из костров треснула шишка, взметнув ворох искр в ясное ночное небо, – звук только подчеркнул повисшую над поляной тишину. Трапперы разом примолкли, обдумывая предложение капитана. Слова о смерти Гласса, пусть и неминуемой, навевали жуть. Француз по имени Жан Берно перекрестился, остальные по большей части просто не сводили глаз с огня.

Все молчали. Рано или поздно мысли обратились к деньгам. Семьдесят долларов – больше трети годового заработка. Если отбросить чувства и смотреть трезво, то Глассу долго не протянуть. Семьдесят долларов за то, чтобы несколько дней просидеть на поляне, а потом за неделю ускоренным переходом нагнать товарищей? Конечно, оставаться тоже рискованно: отряд в десять человек – боеспособная единица, двое трапперов – нет. Если нагрянут индейцы, никакие доллары не спасут.

– Я останусь с Глассом, капитан.

Все в изумлении повернулись к говорящему, пытаясь сообразить, что побуждает Фицджеральда остаться.

– Не из любви к ближнему, – пояснил тот, видя замешательство товарищей. – Ради денег. И не скрываю. Так что если нужна нянька – выберите кого другого.

Капитан Генри оглядел отряд.

– Кто еще останется?

Черный Харрис бросил ветку в костер.

– Я, капитан.

Харрис, о чьей дружбе с Глассом все знали, не мог вынести мысли, что с раненым останется самый вздорный из отряда. Гласс заслуживал лучшего.

Капитан покачал головой.

– Тебе нельзя, Харрис.

– Как так нельзя?

– Нельзя. Я знаю, ты его друг. И все же извини. Ты нужен отряду как разведчик.

Вновь повисла долгая тишина. Большинство бесцельно смотрели на огонь, мало-помалу всем приходила в голову та же мысль: дело того не стоит. Деньги того не стоят. В конце концов, даже Гласс того не стоит. Не то чтобы его не уважали – его почитали и даже любили. Некоторые, как Андерсон, помнили прежнюю доброту Гласса и чувствовали себя в долгу. Предложи капитан спасти Гласса от беды – Андерсон с готовностью ринулся бы на выручку. Однако здесь не нужно было защищать и спасать. Только дождаться смерти и похоронить. Дело того не стоило.

Генри начал было опасаться, что Гласса так и придется поручить одному Фицджеральду, как вдруг Джим Бриджер неуклюже поднялся на ноги.

– Я останусь.

Фицджеральд издевательски хмыкнул.

– Опомнись, капитан, у него молоко на губах не обсохло! Если он останется – тогда плати мне вдвое, мне же придется охранять обоих!

Бриджер дернулся, будто ему отвесили пощечину, от стыда и гнева кровь бросилась в лицо.

– Капитан, обещаю – я справлюсь!

Генри озадаченно помолчал. Не на такой исход он надеялся, и внутренний голос шептал ему, что оставлять Гласса с Фицджеральдом и Бриджером – все равно что оставлять одного. Бриджер совсем юнец, и хотя за год работы на пушную компанию он показал себя способным и честным, Фицджеральда он не перевесит. Впрочем, – одернул себя капитан, – не в этом ли суть выбора? Он, капитан Генри, за деньги просто перекладывает на других общую ответственность. Свою ответственность. Как ни крути – лучшего выбора нет.

– Решено, – кивнул он. – Выходим на рассвете.

Глава 5

30 августа 1823 года

На второй день после ухода капитана с отрядом, вечером, Фицджеральд отправил Бриджера за дровами. Оставшись наедине с Глассом, лежащим у одного из костерков, он на раненого даже не взглянул.

Над поляной возвышалась скала – как груда глыб, поставленных одна на другую чьей-то исполинской рукой и придавленных к земле. Из расщелины между двумя глыбами торчала одинокая кривая сосна – родня тех, что шли на опорные столбы в жилищах местных индейцев. Семя, из которого она выросла, десятилетия назад попало наверх с пометом воробья, выклевавшего его из сосновой шишки;

в расщелине оказалось достаточно земли, увлажняемой дождем, а тепла от нагретой солнцем скалы хватило, чтобы заставить семя прорасти. Без солнечных лучей побег первое время вело в сторону, и лишь потом, выйдя из расщелины наружу, он потянулся к небу. Изогнутый ствол пустил в стороны опушенные иглами ветки, и теперь сосна, пусть и искалеченная, возвышалась над своими стройными сестрами, растущими на плодородной земле.

Без капитана и отряда цель Фицджеральда сводилась к одному: запасти побольше вяленого мяса, чтоб не терять потом времени, когда придет пора нагонять товарищей после смерти раненого. А пока держаться от лагеря подальше.

Хотя поляна и лежала в стороне от реки, соседство с родником Фицджеральду не нравилось: ручей вел прямо к лагерю, да и остатки прежних кострищ указывали, что место часто используют для стоянок. Как знать – может, оно известно всей округе. А если даже и нет, следы десятка человек и мула вели сюда от самой реки: любой охотничий или боевой отряд, оказавшийся на берегу Гранд, неминуемо их заметит.

Фицджеральд хмуро покосился на Гласса. Сразу после ухода трапперов он с прагматичной дотошностью осмотрел раны умирающего: швы на горле, вторично зашитые после падения с носилок, надежно держались, однако вся шея покраснела от заражения. Раны на ноге и руке понемногу заживали, зато воспалились борозды на спине. «Счастье твое, что ты без сознания, – подумал Фицджеральд. – Когда ж ты сдохнешь?»

* * *

Пути, приведшие Джона Фицджеральда на Дикий Запад, вышли изрядно кривыми. Началом им положило спешное бегство из Нового Орлеана в 1815 году, на следующий день после того, как Джон в пьяном угаре зарезал шлюху.

Сын шотландского матроса и дочери луизианского торговца, Фицджеральд вырос в Новом Орлеане. Отец десять лет провел в плаваниях; дома он появлялся раз в год, и каждый раз оставлял жену беременной. Через три месяца после известия о том, что он вместе с кораблем пошел ко дну в Карибском море, мать Фицджеральда вышла замуж за престарелого владельца мелочной лавки, чтобы прокормить детей. Ее практичное решение в основном пошло им на пользу:

из восьмерых, доживших до зрелого возраста, двое старших унаследовали лавку после отчима, сыновья нашли честную работу, дочери благополучно вышли замуж. Особняком болтался один Джон.

Злобный нрав и склонность к дракам в нем замечали с раннего детства. Он рано приучился разрешать споры кулаками, и в школьные годы его частенько вышвыривали из класса за то, что он норовил вонзить карандаш в ногу кому-нибудь из одноклассников. Идти в матросы, по примеру отца, он не желал из-за тягот морского ремесла, зато с удовольствием окунулся в грубый хаос портовой жизни, где в годы отрочества и шлифовал свои бойцовские навыки.
В семнадцать лет нарвавшись на удар ножом в трактирной драке, он получил кривой, в виде рыболовного крючка, шрам на лице и с тех пор проникся уважением к клинковому оружию. Ножи стали его страстью, за недолгое время он собрал целую коллекцию – от кинжалов до скальпировальных ножей – всевозможных форм и размеров.

В двадцать лет он влюбился в шлюху из портового заведения – молодую француженку Доминик Перро. Несмотря на коммерческую природу их отношений, до него явно не доходил весь смысл профессии. Застав однажды Доминик в постели с жирным капитаном случайного судна, он в ярости зарезал обоих, скрылся от погони, затем стащил восемьдесят четыре доллара из лавки собственных братьев и купил билет на судно, отплывающее по Миссисипи на север.

Следующие пять лет он провел в трактирах Мемфиса, работая барменом в заведении, напыщенно (и незаслуженно) именуемом «Золотой лев». Должность, за которую он получал кров, еду и жалкие гроши, давала ему то, чего он не имел в Новом Орлеане, – право бить и наказывать. Провинившихся он вышвыривал из бара с таким наслаждением, какое удивляло даже бывалую публику; двоих клиентов он чуть не забил до смерти.

Способности к счету, принесшие его братьям успех в торговых делах, имелись и у Джона – и он предпочел применить их к игре. Некоторое время ему нравилось проигрывать в карты скудное барменское жалованье, затем его поманили более крупные ставки. Новые игры требовали больше средств, а желающие одолжить ему денег находились всегда.

Как-то, заняв двести долларов у хозяина соседнего заведения-конкурента, Фицджеральд сорвал крупный куш: четыре дамы против четырех десяток –

и тысяча долларов в кармане. После такого выигрыша Джон преисполнился уверенности в собственных игорных талантах и возжаждал большего. Бросив работу в «Золотом льве», он попытался жить на карточные выигрыши, однако удача резко пошла на убыль, и месяц спустя его долг ростовщику по имени Джеффри Робинсон уже насчитывал две тысячи долларов. Несколько недель Фицджеральд прятался, однако двое громил, выследив должника, в драке сломали ему руку и дали неделю на уплату долга.

Фицджеральд в отчаянии уцепился за другого ростовщика – немца Ганса Бангемана – и взял у него денег расплатиться с Робинсоном. Однако при виде денег на него снизошло озарение. Зачем отдавать долг, если можно сбежать из Мемфиса и зажить где-нибудь еще? Дождавшись утра, он купил билет на судно, идущее дальше на север, и в феврале 1822 года прибыл в Сент-Луис.

Прожив в новом городе месяц, Джон узнал, что в питейных заведениях объявились двое, ищущие «картежника со шрамом на лице». Ростовщиков в Мемфисе было не так много, и Робинсону с Бангеманом понадобилось не так много времени, чтобы в полной мере оценить вероломство Фицджеральда. Скинувшись по сотне долларов, кредиторы наняли двух бандитов – найти должника и убить, предварительно взяв с него хотя бы часть долга. Вернуть деньги они не очень надеялись, зато были намерены убить беглеца любой ценой. Храня собственную репутацию, они пустили слух о своем плане по всем трактирам Мемфиса.

Фицджеральд оказался в ловушке: севернее Сент-Луиса обжитых мест на Миссисипи не было, а на юге – в Новом Орлеане и Мемфисе – его ждали.

В тот же день Джон случайно услышал в баре оживленный разговор – завсегдатаи судачили об объявлении в «Миссури репабликан». Схватив газету, он прочел:

«Предприимчивым молодым людям. Податель сего набирает сотню молодых людей, желающих подняться к истокам Миссури, с гарантией дальнейшей работы на один, два или три года. О подробностях справляться у капитана Генри, проживающего у свинцовых приисков в округе Вашингтон. Капитан Генри отправится с отрядом в качестве начальника партии».

И Фицджеральд уцепился за возможность. На последние гроши, оставшиеся от денег Ганса Бангемана, он купил поношенную кожаную куртку, мокасины и ружье. На следующее утро он явился к капитану Генри и заявил о готовности вступить в отряд. Кандидат показался капитану подозрительным с самого начала, но выбор был невелик: в отряд требовалась сотня людей, Фицджеральд подходил физически. Если он успел побывать в ножевых драках – тем лучше. И через месяц Джон уже плыл по Миссури на север.

Хоть он и намеревался сбежать из отряда при первом же случае, к жизни на Диком Западе он успел привыкнуть. И пусть следопыт из него не вышел, талант виртуозно обращаться с оружием не исчерпывался ножами: стрелком он оказался отличным, и в одной только стычке на Миссури убил двоих арикара благодаря истинно снайперскому терпению. Битвы с индейскими племенами, вгонявшие в страх большинство трапперов из отряда Генри, Фицджеральда будоражили, а порой и пьянили.

* * *

Фицджеральд повернулся к Глассу, в глаза бросилась кентуккская винтовка. Поглядев, не возвращается ли Бриджер, он взял ее в руки – приклад удобно лег к плечу, широкий прицел давал хорошую наводку, легкая конструкция позволяла надежно удерживать цель. Фицджеральд вскинул винтовку, переводя ее с места на место, пока дуло не остановилось на Глассе.

Джон уже привык к мысли, что винтовка перейдет к нему после смерти раненого. С капитаном он, правда, еще ничего не обсуждал, но кто больше достоин унаследовать оружие умирающего, чем тот, кто остался воздать ему последние почести? Семьдесят долларов – ничто по сравнению с риском отстать от отряда, и на этот риск Фицджеральд шел не ради денег, а ради винтовки, предмета зависти всех трапперов. Бриджера он конкурентом не считал: тот рад только что полученному ружью Уильяма Андерсона, а после Гласса обойдется и мелкой подачкой – ножом, например.

Мысль, заставившая Фицджеральда остаться с Глассом, с каждым часом становилась все соблазнительнее. Что Глассу лишний день? Не все ли равно? Зато самому Фицджеральду этот день никак не лишний…

Джон положил винтовку. У головы Гласса валялась окровавленная рубаха. Прижать ее к лицу раненого на несколько секунд – и наутро можно в путь… Фицджеральд взглянул на винтовку, отливающую темно-коричневым на фоне подстилки из рыжих сосновых игл, и потянулся за рубахой.

– Он что, очнулся?

Сзади стоял Бриджер с охапкой дров.

Фицджеральд, вздрогнув, не сразу нашелся с ответом.

– Парень, ты спятил? Еще раз так подкрадешься – прирежу!

Бриджер бросил дрова на землю и подошел к Глассу.

– Я думал – может, бульоном его напоить? Ну хоть попытаться?

– Да ты у нас добряк, Бриджер! Влить ему в глотку бульону – и он не сдохнет завтра, а проваляется еще неделю! Сильно тебе это поможет? Думаешь, от глотка супа он встанет как новенький?

– Ты так говоришь, будто хочешь его смерти, – выдавил Бриджер.

– Конечно! Именно этого и хочу! И он тоже! – Фицджеральд выдержал эффектную паузу. – Ты, Бриджер, в школу ходил?

Ответ он знал. Бриджер помотал головой.

– Тогда вот тебе урок арифметики. Отряд, которому не надо тащить Гласса, проходит тридцать миль в день. Допустим, мы пойдем быстрее – сорок миль в день. Сорок минус тридцать – сколько будет?

Парень только молчал.

– Десять, Бриджер. – Для пущей наглядности Фицджеральд издевательски растопырил две пятерни. – Вот столько, детка. Мы их нагоняем только на десять

миль в день. А они прошли уже сотню. Значит, нам с тобой десять дней идти одним. Это если он помрет сегодня и если нам не придется плутать, пока найдем отряд. Десять дней чуть ли не на виду у охотников сиу! Неужели не понимаешь? Лишний день торчим здесь – три лишних дня идем в одиночку. Да когда сиу тебя прикончат, ты будешь еще страшнее Гласса! Ты когда-нибудь видел человека, с которого сняли скальп?

Бриджер не ответил, хотя людей со снятым скальпом ему видеть приходилось: после стычки с черноногими у водопадов Миссури капитан Генри привез в лагерь обоих убитых. Они были привязаны лицом вниз к мулу, и когда капитан разрезал веревки, успевшие закоченеть тела рухнули на землю. Трапперы, не в силах отвести глаз, смотрели на изуродованные трупы тех, кто утром сидел с ними у общего костра. С жертв не только сняли скальп – отрезали нос и уши, вырвали глаза, отсекли гениталии. На голых телах отчетливо виднелась граница загара на руках и шее, где грубая и коричневая, как седло, кожа резко переходила в белоснежную – не будь повод таким ужасным, кто-нибудь уж точно отпустил бы шутку, настолько забавно было видеть резкую разницу. С тех пор Бриджер, каждый раз когда мылся, вспоминал тех двоих и не мог отделаться от мысли, как по-детски ненадежна и слаба человеческая кожа под одеждой.

Сейчас, после откровений Фицджеральда, парень отчаянно жаждал возразить, дать отпор – однако не мог ничего сказать. Не потому, что не хватало слов, а потому, что не находил доводов. Обличать Фицджеральда в корысти было бессмысленно – тот ведь сам говорил, что берется за дело ради платы. А ради чего остался сам Бриджер? Явно не ради денег: суммы и без того путались в голове, обычного жалованья уже набралось больше, чем он видел денег за всю жизнь. Бриджер тешил себя надеждой, что остался с Глассом из преданности товарищу. Гласса он бесспорно почитал: тот по-отечески за ним приглядывал, учил трапперским премудростям, ограждал от насмешек. Бриджер знал, что перед Глассом он в долгу, но где граница этого долга?..

Удивление и восхищение в глазах товарищей в тот миг, когда Бриджер вызвался остаться с Глассом, были так непохожи на презрительно-злобные взгляды в ту позорную ночь в карауле. Капитан, уходя с отрядом и оставляя Гласса, похлопал Бриджера по плечу, отчего тот в кои веки почувствовал себя своим среди трапперов. Может, остаться с раненым – для него способ явить собственную полезность, утешить оскорбленное самолюбие? Неужели он, как и Фицджеральд, ищет выгоды в несчастьях ближнего? С одной лишь

разницей – Фицджеральд хотя бы честно заявил, что остается ради корысти.

Глава 6

31 августа 1823 года

Наутро третьего дня Бриджер сидел на поляне и который час подряд чинил мокасины. За время странствий обувь продырявилась, отчего ноги успели покрыться ссадинами и синяками, так что время безделья он решил использовать с толком. Кожей он запасся еще до ухода отряда, вырезав кусок из сырой бизоньей шкуры, и теперь сосредоточенно пришивал к мокасинам новые подметки. Стежки выходили не очень равномерными, зато прочными.

Полюбовавшись сделанной работой, он взглянул на Гласса. Над ранами кружили мухи, губы умирающего высохли и потрескались. В очередной раз спросив себя, вправду ли он лучше Фицджеральда, Бриджер зачерпнул воды из родника и поднес жестяную кружку к губам Гласса. Тот, хоть и в забытьи, почуял влагу и начал пить.

Когда он оторвался от кружки, Бриджер с сожалением вздохнул: быть полезным – это, оказывается, приятно. Впрочем, Фицджеральд прав: Глассу прямая дорога в могилу, и помочь ему можно только одним – облегчить последние часы жизни.

Мать Бриджера знала целебные свойства трав и деревьев, и Бриджер за всю жизнь не раз пожалел, что в детстве не спешил разглядывать цветы, листья и кору в корзине, с которой она приходила из леса. Он помнил только простейшее, и сейчас на краю поляны нашел что хотел: сосну с липкой, как патока, смолой на стволе. Заржавленным ножом он наскреб сколько нужно, подошел к Глассу и опустился на колени. Вокруг ран на ноге и руке, куда вонзились зубы медведицы, темнели синяки, однако сама кожа начала заживать – туда-то Бриджер и принялся втирать пальцем смолу, заполняя раны и смазывая кожу вокруг них.

Закончив, он перевернул Гласса на бок и оглядел спину. При падении с носилок швы разошлись, кое-где виднелась свежая кровь, однако спина была пунцовой не от крови, а от воспаления. По длине пяти борозд, оставленных медвежьими когтями, выступил желтый гной, края ран пылали алым, пахло скисшим молоком. Толком не зная, что делать, Бриджер намазал всю спину смолой – за ней дважды пришлось возвращаться к соснам.

Последними он оглядел раны на шее. Швы на них остались в целости; впрочем, Бриджер заподозрил, что кожу капитан сшил только для того, чтобы прикрыть развороченную внутренность горла. Гласс лежал в забытьи, изо рта вырывался клокочущий хрип, как тарахтение сломанного механизма. Парень еще раз наведался к соснам, нашел ствол с отслоившейся корой и снял ножом верхний слой, а затем собрал в шляпу мягкое внутреннее подкорье.

Зачерпнув воды из родника, он поставил жестяную кружку на угли костра, а когда закипело – всыпал туда сосновой коры. Помешивая варево черенком ножа, он дождался, пока смесь стала густой и мягкой, как ил, а потом принялся накладывать припарку на горло раненого, втирая смесь в порезы и размазывая дальше к плечу. В сумке еще оставался лоскут от рубахи, порванной на бинты, – Бриджер накрыл им припарку и, приподняв голову Гласса, завязал тугой узел на затылке.

Бережно опустив голову Гласса на землю, он вдруг заметил, что тот открыл глаза. Взгляд, ясный и сосредоточенный, так не вязался с немощным телом, что парень даже вздрогнул и не мигая уставился на Гласса, который взглядом явно пытался что-то сказать. Только вот что?..

Через минуту Гласс прикрыл веки. В краткий миг, на который к нему вернулось сознание, тело успело откликнуться странными, почти незнакомыми ощущениями: он почувствовал и жжение от сосновой смолы, прикрывшей гнойные раны, и тепло от припарки, смягчившей боль в горле. Стараниями Бриджера организм ожил, в глубинах тела медленно, пока неявно, начали собираться силы для нового, решающего испытания.

Фицджеральд вернулся, когда послеполуденные тени удлиненно стелились по земле, предвещая скорый вечер. На плече он нес наскоро разделанную оленью тушу с рассеченным горлом и вытащенными внутренностями, и когда он бросил ее у одного из костров, туша рухнула тяжело и неуклюже – грациозный олень теперь был всего лишь грудой мяса.

При виде повязок, прикрывших раны Гласса, Джон нахмурился.

– Только теряешь время, – бросил он. – Мне бы плевать, да время теряется и мое тоже.

Кровь бросилась в лицо Бриджеру, однако он промолчал.

– Тебе сколько лет, парень?

– Двадцать.

– Врешь. У тебя даже голос не устоялся, срываешься в писк. Небось и сиську вживую не видел, кроме как у матери.

Парень отвел глаза, внутренне проклиная способность Фицджеральда учуять слабое место.

Тот, упиваясь его смущением, расхохотался.

– Что? Ни разу не был с бабой? Я ведь прав, скажи! А в чем же дело, Бриджер? Не наскреб пары долларов на шлюху в Сент-Луисе?

Фицджеральд уселся на землю, наслаждаясь отдыхом после дневной вылазки.

– Или ты не по девочкам? Может, ты из этих? И мне тогда спать на спине, чтоб ты не навалился ночью?

Бриджер по-прежнему молчал.

– А может, у тебя и члена-то нет?

Бриджер, не помня себя, вскочил, схватил винтовку, взвел курок и уставил дуло в лоб Джону.

– Сукин ты сын, Фицджеральд! Еще одно слово – отстрелю башку!

Фицджеральд замер, не сводя глаз с черного дула, однако через минуту, опомнившись, поднял глаза на парня. От ухмылки шрам у губ проступил резче.

– А ты ничего, Бриджер! Может, даже и отлить можешь не только сидя!

Хохотнув в ответ на собственную шутку, он вытащил нож и принялся свежевать оленя. В наступившей тишине Бриджер вдруг услышал собственное хриплое дыхание, сердце колотилось где-то в горле. Опустив винтовку, он оперся на приклад и сел на землю. Навалилась усталость, он потянул на плечи одеяло.

Через несколько минут до него донесся голос Фицджеральда.

– Эй, парень!

Бриджер не ответил. Джон как ни в чем не бывало потер нос окровавленной рукой.

– Ружьишко-то твое без кремня не выстрелит!

Парень взглянул на винтовку – кремня и вправду не было. Он вновь побагровел, только на этот раз обозлился не столько на Фицджеральда, сколько на себя. Джон, тихонько посмеиваясь, вновь заработал длинным ножом, разделывая тушу.

На деле Бриджеру в тот год исполнилось девятнадцать, однако из-за хрупкого сложения он выглядел моложе. Он родился в 1804-м – в год начала экспедиции Льюиса и Кларка. Их нашумевшее возвращение в 1812-м подвигло его отца двинуться из Вирджинии на запад.

Семья Бриджеров осела на небольшой ферме поблизости от Сент-Луиса. Для восьмилетнего Джима переезд на запад стал одним сплошным приключением: ухабистые дороги, добытое охотой мясо на ужин, сон под открытым небом. На новой ферме мальчишку ждали луга, леса и ручьи – сорок акров неизведанной территории. Он до сих пор живо помнил, с каким восторгом вел отца к самостоятельно обнаруженному роднику, как гордился построенным над родником навесом. Помимо прочего, старший Бриджер увлекался землемерным делом и часто брал Джима в походы, чем еще больше

пробудил в сыне интерес к исследованию новых земель.

Детство Джима внезапно кончилось в тринадцать лет, когда мать с отцом и старшие братья в считаные недели умерли от лихорадки. Бриджер остался с младшей сестренкой на руках, и, хотя сестру взяла под крыло престарелая тетка, добывать деньги для семьи пришлось Джиму. Он нанялся к паромщику.

Миссисипи в те времена кишела судами. В растущий на глазах Сент-Луис шли промышленные товары с юга, сверху по течению прибывало сырье с Дикого Запада. Бриджер слушал рассказы о гигантском Новом Орлеане и чужеземных портах за ним. Встречал заросших бородами гребцов, которые вели лодки вверх по течению, полагаясь только на силу собственных мышц и волю к победе. Говорил с погонщиками, возившими товар из Лексингтона и Терре-Хота. Видел будущее речной навигации – изрыгающие дым пароходы, пыхтящие против течения.

Однако воображение Бриджера занимала не Миссисипи, а Миссури. Всего в шести милях от парома, на котором он работал, две великих реки сходились вместе – в сонное обыденное течение Миссисипи вторгался необузданный поток из дальних земель, соединяя старое и новое, знакомое и неизведанное, обжитое и дышащее вольными просторами. Бриджер каждый раз с нетерпением ждал редкого мига, когда пушные торговцы и путешественники привяжут к паромной пристани легкие плоскодонные лодки, а то и разобьют ночной лагерь – и польются рассказы о свирепых индейцах, обильной дичи, вековечных равнинах и возносящихся к небу снежных скалах.

Тоска по западным землям росла в груди Бриджера незаметно для него самого, исподволь маня в дальние края, знакомые лишь по рассказам. И когда случайный проповедник, взгромоздившийся на паром со своим мулом, спросил парня, в чем тот видит собственное предназначение, определенное ему Господом, – Бриджер в тот же миг выпалил: «Отправиться к Скалистым горам». Проповедник, возликовав, принялся склонять его к высокой миссии нести веру диким народам, и, хотя обращать индейцев в христианство Бриджер не собирался, разговор все же засел в памяти. Запад влек Джима не просто новизной – парню казалось, будто среди дальних равнин и диких гор затерялась часть его души, которая теперь, очнувшись, требует воссоединения.

Будущее представало лишь в мечтах, на деле же Бриджер день за днем не выпускал из рук шест, правя хлипким паромом. Туда-сюда, взад-вперед –

бессмысленное движение без цели и конца, отклоняющееся от заданного пути не больше чем на милю. Как не походило оно на ту жизнь, о которой он грезил, – жизнь в странствиях по неизведанным землям!..

Через год работы на пароме отчаявшийся Бриджер, в опрометчивой попытке приблизиться к заветной мечте, подался в Сент-Луис и нанялся в подмастерья к кузнецу. Хозяин попался незлобный и даже положил ему скромное жалованье, которое Джим отправлял тетке и сестре, однако главное условие оставалось ясным и четким: пять лет безотлучной работы.

Пусть новое занятие и не приблизило Бриджера к западным землям, зато разговоров о пионерах здесь хватало, так что все пять лет Джиму было где постигать законы диких равнин. Стоило трапперу или переселенцу зайти подковать коня, как Бриджер, отбросив привычную сдержанность, начинал сыпать вопросами – где бывали, что видели? Так он услыхал и о Джоне Колтере, который несколько миль нагишом бежал от сотни черноногих, готовых догнать его и снять скальп, и о торговом успехе легендарных Мануэля Лизы и братьев Шуто. А уж если выпадал случай увидеть героев во плоти – у Бриджера и вовсе захватывало дух. Раз в месяц, когда капитан Эндрю Генри наведывался в кузницу подковать коня, Джим вызывался сделать работу ради одного – переброситься со знаменитым капитаном хотя бы словом, и эти мимолетные встречи соединяли мечты с действительностью, вселяли в него дальнейшую веру в исполнение желаний.

Срок ученичества истекал в день восемнадцатилетия Бриджера, 17 марта 1822 года. Местная актерская труппа приурочила к мартовским идам постановку шекспировского «Юлия Цезаря». Джим, глядя на сцену, почти жалел о потраченных на билет двадцати пяти центах: длинная бессмысленная пьеса, мужчины в дурацких длинных одеждах, да и язык странный. Однако зрелище затягивало, мало-помалу парень втянулся в ритм торжественных фраз, и когда красавец актер раскатисто произнес: «В делах людей бывает миг прилива; он мчит их к счастью, если не упущен»[1 - Шекспир, Юлий Цезарь, акт IV, сцена 3. Пер. И. Мандельштама.], – Бриджер понял, что эти строки он запомнит навсегда.

Три дня спустя кузнец рассказал Джиму о свежем объявлении в «Миссури репабликан», адресованном «предприимчивым молодым людям». Миг прилива настал.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Бриджер удивленно оглядел Фицджеральда, склоненного над Глассом.

– Фицджеральд, ты что?

– Давно у него лихорадка? – спросил тот, не отнимая ладони от лба раненого.

Бриджер метнулся к Глассу и потрогал его лоб – горячий и влажный.

– Я проверял ночью, жара не было.

– Теперь есть. Потеет перед смертью, сукин сын. Отправляется-таки на тот свет.

Бриджер замер на месте, не зная, радоваться или огорчаться. Гласса уже ощутимо трясло, так что Фицджеральд наверняка был прав.

– Слушай меня, парень. Готовимся уходить. Я на разведку вверх по Гранд, ты бери ягоды с мясом и делай пеммикан.

– А Гласс?

– А что Гласс? Ты врачом, что ли, заделался, пока тут сидишь? От нас ему никакой пользы!

– Польза одна – быть с ним, дождаться смерти и похоронить. Таков уговор с капитаном.

– Тогда копай могилу, раз такой умный! Алтарь ему сооруди, не забудь! Но если я приду и мясо не будет готово – отхожу тебя плетью так, что Глассу позавидуешь! – И Фицджеральд, схватив винтовку, зашагал вниз по ручью.

Там, где приток впадал в реку, тонкая струйка ручья широко разливалась по пологому песчаному берегу и лишь потом впадала в стремительную Гранд.

Солнечный, типично сентябрьский день близился к жаркому полудню. Фицджеральд издалека вгляделся в беспорядочные следы отряда, различимые даже сейчас, по прошествии четырех дней, потом взглянул вверх по течению, где на голой ветке засохшего дерева сидел орел, словно на часах. Вдруг птицу что-то спугнуло; орел, в два маха поднявшись в воздух, развернулся на крыле и полетел к истоку реки.

Где-то резко заржала лошадь. Фицджеральд глянул было и тут же прищурился: утреннее солнце отражалось в реке, вода сияла, как живой поток сплошного света. За пляшущими сполохами Фицджеральд различил фигуры конных индейцев.

Он тут же рухнул плашмя и прижался к земле, лихорадочно соображая, успели его заметить или нет. Два-три коротких вдоха – и он осторожно пополз к низкорослому ивняку, единственному укрытию. Где-то вновь заржал конь, однако стука копыт не последовало. Фицджеральд проверил винтовку и пистолет – оба заряжены, – снял волчью шапку и поднял голову, пытаясь сквозь ивовые ветви разглядеть другой берег.

Индейцев было пятеро. Четверо стояли неровным полукругом, пятый в середине лупил хлыстом заартачившегося пегого. Возня с конем явно занимала всю четверку, кто-то смеялся.

На одном из индейцев красовался полный воинский головной убор из орлиных перьев, и даже с двухсот ярдов Фицджеральд разглядел ожерелье из медвежьих клыков и шкуру выдры на заплетенных косах. Трое с ружьями, двое с луками, никакой боевой раскраски – наверняка охотники. Племя Фицджеральд не определил и не очень-то старался: всех местных индейцев он загодя считал врагами трапперов. И хотя из ружья его не достанут – слишком далеко, – однако стоит им подойти ближе, и ему несдобровать: одна пуля в винтовке, другая в пистолете, и только если враги застрянут на стремнине, он успеет зарядить в ружье еще одну. Три выстрела на пять мишеней – не тот случай, когда стоит затевать бой.

Прижавшись животом к земле, Фицджеральд пополз под защиту самых высоких ив у ручья. По дороге он не жалел проклятий для прошедшего здесь отряда, следы которого так явно выдавали поляну у родника. Добравшись до более густых ивовых зарослей, он оглянулся: индейцев по-прежнему занимал разыгравшийся пегий конь, однако к месту слияния они подойдут с минуты

на минуту – и тогда увидят ручей. И следы, чума их побери. Следы, которые укажут путь к поляне яснее, чем если показать пальцем.

Фицджеральд пробрался от ивняка к соснам и еще раз глянул на охотников: те наконец усмирили упрямого коня, пятеро охотников теперь ехали вверх по течению.

Уходить.

Немедленно.

Фицджеральд припустил вдоль ручья прямой дорогой к лагерю.

– Индейцы, пятеро, идут вверх по Гранд, – выпалил он Бриджеру, который камнем перетирал оленину на пеммикан, и принялся заталкивать вещи в мешок. Вдруг он вскинул голову, напряжение и страх в глазах сменились яростью. – Шевелись! Вот-вот нападут на след!

Бриджер запихнул мясо в сумку, закинул сумку и мешок на плечи и обернулся взять винтовку, прислоненную к дереву рядом с кентуккской винтовкой Гласса, – и только сейчас, при мысли о Глассе, до него дошел смысл происходящего. Дернувшись, как от пощечины, он взглянул на раненого.

Впервые с самого утра тот открыл глаза. Взгляд поначалу оставался туманным, как после глубокого сна, однако с каждым мигом делался более осмысленным, и Бриджер внезапно осознал, что Гласс не хуже его понимает происходящее. Индейцы на реке. Значит…

Каждый нерв в Бриджере звенел от напряжения, однако в глазах Гласса он видел лишь невероятное, нездешнее спокойствие. Понимает? Прощает? Или Джиму только кажется? Под ясным взглядом раненого Бриджер виновато замер, душу пронзило стыдом, как когтями. Что сказал бы Гласс? И что скажет капитан?..

– А точно сюда идут? – срывающимся голосом переспросил Бриджер, ненавидя себя за слабость, за откровенное малодушие в решительную минуту.

– Хочешь остаться и проверить? – Фицджеральд, метнувшись к костру, подхватил остатки мяса с решетки.

Бриджер взглянул на Гласса. Раненый шевелил пересохшими губами, силясь протолкнуть через горло беззвучные слова.

– Он что-то хочет сказать!

Парень опустился на колени, пытаясь разобрать шепот. Гласс медленно поднял руку и протянул дрожащий палец к кентуккской винтовке.

– Винтовку! Просит свою винтовку!

В спину Бриджеру что-то ударило, он полетел лицом на землю. Силясь встать на четвереньки, он взглянул на Фицджеральда – у того злобные черты лица странно сливались с резкими углами волчьей шапки.

– Займись делом, прах тебя побери!

Бриджер, с трудом поднявшись на ноги, обалдело следил за Фицджеральдом, который подошел к Глассу и оглядел его вещи: охотничью сумку, нож в украшенных бусинами ножнах, топорик, винтовку и рожок для пороха.

Наклонившись, Фицджеральд взял сумку, порылся внутри, достал огниво и переложил его в карман кожаной куртки. Рожок с порохом он повесил на плечо, а топорик засунул за широкий кожаный пояс.

Бриджер не сводил с него изумленных глаз.

– Что ты делаешь?

Фицджеральд нагнулся за ножом и перебросил его парню.

– Держи.

Парень поймал оружие на лету и с ужасом воззрился на ножны.

Оставалась винтовка.

Фицджеральд взял ее в руки и проверил заряд.

– Не обижайся, старина Гласс. Тебе-то она без надобности.

Бриджер застыл на месте.

– Бросить? Безоружного?

Фицджеральд лишь смерил его взглядом и шагнул прочь, его тут же скрыли деревья.

Бриджер посмотрел на нож в руке, затем на Гласса, взгляд которого, полыхающий как угли в кузнечной печи, чуть не прожигал его насквозь. Бриджер стоял недвижно, душу раздирали сомнения, надо было на что-то решаться. И вдруг его захлестнула неодолимая, всепоглощающая волна – страх.

Он резко повернулся и побежал в лес.

Глава 7

2 сентября 1823 года, утро

День. Не ночь. Это единственное, что мог определить Гласс, если не двигаться. Высоко ли стоит солнце – он не знал. Он лежал там же, где рухнул вчера: движимый яростью, он добрался лишь до края поляны. Здесь его и свалила лихорадка.

Медведица разодрала тело Гласса снаружи – теперь лихорадка раздирала его изнутри. Опустошенный и измученный, он не мог сдержать дрожи и мечтал об одном: припасть к теплу костра. Однако все огни в лагере успели погаснуть, порушенные остатки костровых ям не давали ни единой струйки дыма.
Нет огня – нет и тепла.

Гласс прикинул, сможет ли он добраться хотя бы до ветхого одеяла, лежащего на старом месте, и попробовал собрать силы – тело откликнулось неверным подобием движения.

От усилий что-то дрогнуло в глубине груди, и раненый сжался, чтобы не раскашляться, однако мышцы, измученные прежними попытками, не поддались, кашель сотряс грудь. Хлынула боль – будто кто-то выдирал внутренности через горло или вытаскивал из тела глубоко засевший рыболовный крючок.

Когда боль стихла, Гласс вновь сосредоточился на одеяле: надо согреться, иначе не выжить. Он с усилием поднял голову и огляделся: одеяло лежало футах в двадцати. Перевернувшись с бока на живот, он выставил вперед левую руку, затем согнул левую ногу и оттолкнулся от земли. Так, пользуясь единственной рабочей рукой и здоровой ногой, он пополз через поляну. Двадцать футов тянулись, как двадцать миль, трижды Гласс останавливался отлежаться. Каждый вздох с хрипом раздирал горло, на каждый удар сердца раны на спине отзывались тупой болью. Добравшись наконец до одеяла, раненый завернулся в плотную тяжелую шерсть – и лишь тогда позволил телу расслабиться. И вновь впал в забытье.

Утро тянулось бесконечно. Гласс то приходил в себя, то терял сознание, то плавал в зыбком мареве между сном и явью. Окружающее казалось смутными обрывками картины, разодранной в клочья так, что связь между обрывками уже не восстановить. Приходя в сознание, он мечтал об одном – забыться и не чувствовать боли, но перед желанным забытьем каждый раз его глодала та же мысль: а вдруг он больше не проснется? Неужели так и приходит к людям смерть?

А потом, когда Гласс потерял всякий счет времени, на поляне появилась змея.

Выскользнув из леса на открытое пространство, она на миг замерла у края поляны – уверенный и опасный хищник в поисках добычи. Гласс, в ужасе и восхищении, не мог отвести взгляд. Помедлив, змея вновь скользнула вперед, лениво-грациозное движение набрало силу, она устремилась прямо к Глассу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/maykl-panke/vyzhivshiy-roman-o-mesti/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Шекспир, Юлий Цезарь, акт IV, сцена 3. Пер. И. Мандельштама.

Купить: https://tellnovel.com/ru/maykl-panke/vyzhivshiy-roman-o-mesti-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить